

Из литературных исканий конца XVIII— начала XIX в.

(А. М. Бакунин и В. В. Капнист).

Тесный кружок поэтов, собравшийся вокруг Г. Р. Державина в 80-х—90-х годах XVIII столетия—любопытнейший показатель того великого роста российской поэзии, который подготовлял новые литературные эпохи Карамзина, Батюшкова, а за ними—эпоху Пушкина.

Г. Р. Державин, В. В. Капнист, Н. А. Львов, И. И. Хемницер, А. С. Хвостов, А. В. Храповицкий, Ф. П. Львов и М. Н. Муравьев—вот, кто составлял этот кружок. „Главным критиком и руководителем новых, возникавших в нем литературных стремлений“, по выражению Л. Н. Майкова, был Н. А. Львов.¹⁾ „Литературные мнения Львова отличались некоторым своеобразием: он был не чужд непосредственного знакомства с древними классиками и в то же время искал мотивов для творчества в русской народной поэзии; но, что всего важнее и характернее,—он был поклонник изящной простоты и враг всего грубого и напыщенного“.²⁾

За Львовым следовал В. В. Капнист, такой же поклонник античности, большой мастер стиха. Оба поэта оказывали значительное влияние на поэтические воззрения самого Державина.

Не только родственные и материальные отношения связывали поэтов Державинского кружка, но, главное, тот общий интерес к развитию русской поэзии, к вопросам литературной критики, который переполняет всю их переписку. Львов и Капнист критикуют и исправляют стихи Державина.³⁾ Хемницер находится под сильнейшим влиянием Капниста и Львова, которые после смерти Хемницера издают его басни (3-е издание, в 1799 году).

К вышеупомянутым друзьям-поэтам следует причислить и Александра Михайловича Бакунина,⁴⁾ [род. 18 октября 1768 г., ум. 9 декабря 1854 г.],⁵⁾ родственника Державина и душевного друга Капниста и Львова.

Как и они, он пробует свои молодые поэтические силы и на суд друзей отдает свои опыты.

¹⁾ Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб. 1889, стр. 252.

²⁾ Ibidem.

³⁾ См. примечания Я. К. Грота в академическом издании сочинений Державина. См. также—Г. Гукровский. Русская поэзия XVIII века. Ленингр. 1927, стр. 197.

⁴⁾ Отец известного анархиста Михаила Бакунина (род. 1814, ум. 1876).

⁵⁾ Похоронен в селе Прямухине, Новоторжского у. Тверской губ. См. вел. кн. Николай Михайлович. Русский Провинциальный Некрополь. Т. I. М. 1914, стр. 63.

Гораций, Гомер, Пиндар и анакреонтика из античности, Тасс, Петрарка, Метастазιο из итальянской поэзии—особенно увлекали наших поэтов в ту эпоху конца XVIII века; им они подражали, их переводили, взаимно помогая друг другу.

Сохранились письма Державина к А. М. Бакунину, в которых он очень интересуется переводами Бакунина из Тасса и Метастазιο.¹⁾

Имена А. М. Бакунина и В. В. Капниста до сих пор не связывались в истории русской литературы за отсутствием каких-либо документальных данных об их дружбе и общих литературных интересах. О Капнисте хотя и не написано до сих пор существенного исследования, все же в истории русской литературы мы находим о нем более

или менее ценные биографические и критические статьи и заметки. Об А. М. Бакунине же, как сотоварище Капниста и других друзей Державина, мы не имели почти никакого представления.

В. А. Корнилов в „Очерках по истории общественного движения и крестьянского дела в России“ [СПб. 1905, стр. 65, примеч. 2-е и стр. 63] посвятил А. М. Бакунину такое примечание: „А. М. Бакунин родился в 1768, ум. 1854, воспитывался в Падуанском Университете; затем служил некоторое время при русском посольстве в Неаполе. При Павле I он был короткое время заведующим государевым имением в Гатчине, но вскоре вышел в отставку и поселился в с. Прямухине, Новоторжского уезда, в своем родовом имении, где и жил до самой смерти. Белинский в своих письмах к Михаилу Бакунину отзывался о нем с благоговением [1838 г.]. По семейным преданиям, Бакунин присутствовал при взятии Бастилии в 1789 г. По свидетельству Александра Александровича Бакунина, образ мыслей Але-

Александр Михайлович БАКУНИН

С совр. акварельного портрета, принадлежащего правнукам Дьяковым.

Печатается впервые с любезного разрешения А. А. Дьяковой. Ред.

ксандра Михайловича был вообще гуманитарный, но чуждый непосредственного интереса к активной политике... То-же самое, в немного более подробных чертах, А. А. Корнилов повторяет о Бакунине и в первых главах своей книги „Молодые годы Михаила Бакунина“. [М. 1915, стр. 7 сл.] и добавляет, что „в 1805 г. Александр Михайлович был выбран сперва в уездные предводители дворянства Новоторжского уезда, а затем и в губернские предводители дворянства Тверской губернии. В этой должности он пробыл три года—до 1808 г.“.

Далее А. А. Корнилов. отмечает „не вполне выясненный пункт биографии Александра Михайловича Бакунина—его участие в составлении или по крайней мере обсуждении устава Союза Благоденствия“.

¹⁾ См. ниже.

Создание Прямухинского гнезда А. М. Бакуниным, о котором подробно рассказывает А. А. Корнилов, относится уже к годам после женитьбы А. М. Бакунина в 1810 г. на Варваре Александровне Муравьевой.

Корнилов не напечатал в своей книге любопытное, к этому событию относящееся, письмо Капниста к Бакунину. Вот оно:

1810 г. декабря 10 д. Обуховка.

Поздравляю тебя, искренно поздравляю, любезный брат и друг Александр Михайлович,—желаю нового счастья в новом быту твоём. Дай бог, чтобы ты возрастил достойных тебе детей и их благополучием удвоил твое.—Ты хочешь, мой друг, чтобы я полюбил милую твою Варвару Александровну; охотно, весьма охотно я на это соглашусь: ты знаешь, как мне легко и приятно согласовать с твоими чувствами.—Пожалуй же заставь и ее полюбить и меня старика¹⁾, хотя за то, что я тебя люблю.—Жаль, что ты не предупредил меня заблаговременно о твоём добром намерении: как семейственный унтер Лирик, я бы сочинил тебе эпиграмму; а тем охотнее, что ныне, более, чем когда нибудь, радуюсь, если добрые и умные люди женятся и посягают. Повидимому, старый волокита приобретает с годами похвальное расположение к ремеслу de l'am du prince;²⁾ теперь я бы только то и делал, что женил, да замуж отдавал.

Как ты мог, любезный брат, будучи любовником и стихотворцем, не сообщить мне, хотя в легких чертах, портрета милой твоей половины, ты бы поощрил воображение мое, и удовлетворил любопытству. Красоту ее вообще образовали мне девятнадцатью годами:—но ты знаешь, что по мнению французов, такая красота хоть и прелестна, но не весьма православная. В совершенном о сем неведении, я дал волю моей фантазии, руководствуясь известным мне разборчивым твоим вкусом; и вот, как она представила мне милую тебе красоту:

Варвара Александровна БАКУНИНА
(урожд. Муравьева).

С совр. акварельного портрета, принадлежащего правнукам Дьяковым.
Печатается впервые с любезного разрешения А. А. Дьяковой. Ред.

Мне кажется, ее лицо
Бело и кругло, как яйцо.
Косы волнистой черный волос
Длиннее, чем высокий колос.
Не слишком выпукло чело
Так чисто, гладко, как стекло.

¹⁾ Капнисту в 1810 г. было 53 года от роду, Бакунину—42 года.

²⁾ т. е. L'agent des plaisirs secrets d'un prince ou de quelque personnage puissant.—(с ироническим оттенком). См. M. Bescherelle Aîné. Dictionnaire national. m. II. Paris, 1867, p. 986. Б. К.

Соболи брови и ресницы,
 Глаз круглых черные зеницы,
 Как темных два зерна гранат,
 В больших жемчужинах блещут.
 Нос—тонкой, хоть и не причудной,
 Но к описанью очень трудной
 Румяны маленьки уста,
 Как свежей розы два листа;
 Меж ними на черте полкруга,
 В коралле два ряда жемчуга.
 На млеко-розовых щеках,
 Не знаю для чего и как,
 Чтоб разве спесь их не надула,
 Любовь две ямочки вогнула.
 Но что сказать о бороде?
 К сравненью не сыщу нигде,
 Что было б хоть немного схоже
 С округлостью ее пригожей..
 Хотела б дерзкая рука
 Изобразить хотя слегка
 Белейшу алебаstra шею.....
 Но дале все же не посмею
 Моей картины продолжать.....
 И так не лучше ль окончать,
 И, кисть оставя осторожно,
 Просить тебя, чтоб, если можно,
 Красы изобразил ты нам,
 Которых часто видишь сам.

Скажи, мой друг! удалось ли мне хотя немного угадать твой выбор?.. Затем прощай.—Обнимаю тебя в мыслях.—Пожалуй пиши ко мне теперь чаще: выбери меня конфидентом твоего благополучия. Всем сестрицам кланяюсь.—Я думаю, они меня совсем позабыли.—Душевно тебе преданный брат и друг

Василий Капнист.

Надписывая твои письма в Гадяч."

Александр Михайлович сначала „не надеялся на взаимность со стороны светской восемнадцатилетней львицы, окруженной блестящей молодежью, и, мучимый страстью, собрался уже стреляться; но его спасла сестра его Татьяна Михайловна Полторацкая. Узнав о состоянии, до которого дошел ее брат, она поехала к Полторацким и уговорила Варвару Александровну принять предложение А. М. Бакунина, а родных ее выдать ее за него замуж" [А. А. Корнилов. Молодые годы Бакунина, стр. 14]. Понятно, почему Бакунин не „предупредил заблаговременно" друга о своем „добром намерении".

Ко времени сватовства и женитьбы относятся три стихотворения А. М. Бакунина,¹⁾ найденные в его тетради, хранящейся в Бакунинском архиве, о которой мы скажем ниже.

¹⁾ В архиве Бакуниных сохранились некоторые стихотворения Варвары Александровны Бакуниной, относящиеся к 10-м годам XIX века.

Молитва Любви.

Приди, любовь, приди рассмейся,	Как от излишества елєя
Воспламени холодну грудь,	Светильник угасает сам,
В крови моей, в душе разлейся,	Иль аромат, в огне растая,
Дай мне от радости вздохнуть,	Весь исчезает возлетая
Дай умереть тобою млея,	В благоуханной фимиам.

Вариньке.

Утратив путь в ночи туманной,	И с уст спутницы стыдливой
Изнемогающий пловец,	В восторге жизни сладость пьет—
Не видя пристани желанной,	Не ты ль мой вечер осветила,
Бросает веслы наконец—	К блаженству указала путь,
И чужд боязни и надежды,	Мечты мои отелесила,
Волнам вверяя утлой чолн,	Дала от радости вздохнуть?
Беспечные смыкает вежды;	Едва ли ты была на свете,
Подобье смерти его сон.	А я блаженство предвкушал—
Но солнца спутница златая	Когда в невидимом предмете
Пронзив хребты бегущих туч	Тебя на лире воспевал;—
И в пенистых волнах сверкая,	Тебе и лиру посвящаю
Надежды проливает луч—	Я вдохновенную тобой
Он слышит волн о брег биенье,	И петь тебе я обещаю,
Он внемлет клик береговой—	Пока не смолкнет ее строй.—
И видит, что к нему спасенье	Я буду петь—но может статься...
С простертою летит рукой—	Ах! вечер мой так светел был!
На парусах любви щастливой	Зимы ли станет ужасаться
Спасенной в радости плывет	Кто щастья в осень накопил?—

Ей - же.

Распростясь с людьми, с заботой,	В ров ногой уже спустился,
Я пустился в дальний путь;	Но вдруг слышу,—стой, живи!
Жить казалось мне работой	Ангел близь меня явился
И хотелось отдохнуть.—	Жизни щастья и любви.—
Шел я скорыми шагами,	Лель в очах таился ясных,
Уж близка была ко мне	Чистым пламенем горя—
Под печальными соснами	Как возвестница дней красных
Там часовня на холме—	Утра тихая заря.
Где конец мечтам тревожным	Я стоял в недоуменьи
В недрах хладных земли	Но к ногам ее упал,
И приятней сон дорожным	Когда в ангельском явленьи
Чем тяжелее несли—	Милу Вариньку узнал;
Обозрев спокойным оком	Грудь моя затрепетала,
Неизбежный всем предел,	Закипела хладна кровь,
Ношу жизни одинокой	Нову жизнь мне даровала
Сбросить я с себя хотел.—	Всемогушая любовь.

К концу 1810-х и до 30-х годов относится то поэтическое наследие А. М. Бакунина, которое описывает А. А. Корнилов в III-й главе своей книги [поэма „Осуга“, „Сентиментальная элегия“ и др.]¹⁾. Но Корнилов не использовал те немногие, но любопытные документы, которые сохранились в Прямухинском архиве Бакуниных²⁾ и которые подтверждают все вышесказанное о дружбе поэтов Державинского кружка и об их литературном общении между собой, именно: письма Капниста к Бакунину³⁾, из которых два относятся уже к 10-м годам XIX века, а одно написано 16 октября 1798 г. При этом письме нашлись и две рукописи стихотворения Бакунина „Жатва“: одна авторская с пометками и примечаниями Капниста, другая—автограф Капниста.

Сообщаем эти материалы, как живую иллюстрацию отношений поэтов конца XVIII века, их литературных знаний и вкусов.

Письмо В. В. Капниста к А. М. Бакунину.

„1798 года октября 16-го дня. С.-Петербург.

Я хочу тебя пристыдить, любезный друг и брат Александр Михайлович—ты не делаешь того, что обещал: не доканчиваешь „Жатвы“, которую так прекрасно начал; а я, по первому твоему приказу, посылаю тебе перевод Тассовых стихов, как ни дурно они переведены:

Благочестиву рать пою, как
ополчался

И гроб освободил Спасителей
Годфред.

Умом, десницею он много под-
визался

И много претерпел для слав-
ных толь побед!

Пою священну брань, скажу
как Годофред

За гроб Спасителей и Град
святей сражался.

Умом, десницею он много под-
визался

И много претерпел для славных
сих побед!

Пою священну брань, как
Годофред сражался

За гроб Христов и с ним Сион
освободил.

Умом, десницею он много под-
визался

И много для побед напастей
преносил.

¹⁾ Трогательно очерчен немногими словами облик престарелого (умер 86 лет от роду) А. М. Бакунина в воспоминаниях гр. В. А. Соллогуба: „Я переехал жить в Тверь, где был принят, как родной, в доме незабвенного для меня, радушного и добродушного слепого старика А. М. Бакунина. Сын его Михаил скрывался у него тогда от артиллерийской службы и, по страсти своей к побегам, вдруг ночью убежал тайно от кроткого любящего его отца, который его вовсе не задерживал и послал ему в погоню шубу и пироги на дорогу. „Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба“. Русский Архив, 1865. стр. 749.

„Я еще был в Твери, когда он бежал, покинув родительский дом; живо помню и отчаяние и недоумение его отца: старик просто не понимал, почему его Миша, которому так тепло было дома, их так своевольно и неожиданно покинул“ Воспоминания графа В. А. Соллогуба. СПб. 1887, стр. 156.

²⁾ Одна часть архива хранится теперь в Пушкинском Доме Академии Наук. „В состав архива входят отдельные бумаги и письма даже и XVIII века; но их немного“, писал в предисловии к своей книге А. А. Корнилов (стр. IX). Другая часть Бакунинского архива находится в Центральном архиве в Москве.

³⁾ Капнист, Державин и Львов были женаты на сестрах Дьяковых и через них находились в родстве с А. М. Бакуниным, который, через жену свою Варвару Александровну, рожденную Муравьеву, (род. 1792, ум. 4/IV-1864) был в родстве с Михаилом Никитичем Муравьевым.

Пою священну брань, скажу
как ополчался
И гроб освободил Спасителей
Годфред.
Умом, десницею он много под-
визался
И много претерпел для славных
толь побед.

Благочестиву рать пою, как
ополчался
Годфред и гроб Святый Хри-
стов освободил.
Умом, десницею он много под-
визался,
По многих бедствиях победу
совершил.

Вот еще некоторые перемены:

Пою священну брань вождя, что ополчался
За гроб Христов и с ним Сион освободил
Через многи бедствия к победе доступил.

Вот, братец, выбирай что хочешь; я вижу что до подлинника весьма не доступил.

Теперь скажу тебе странность: в то самое время, как сестра Пелагея Михайловна отдала мне читать твои стихи, я вынул из кармана и прочитал им вновь переведенные мною первые стихи из Одиссеи,—которые тебе и посылаю и прошу сказать твое мнение:

Повеждь, о Муза! нам о хитром
том вожде,
Который, истребя священной
Трои стены,
Скитался и, прошед стран мно-
жество, везде
Законы замечал и нравов пе-
ремены.
В морях он лютые напасти пре-
терпел,
Когда, в опасности ввергая
жизнь, хотел
В отечествопривести спутников
обратно.
Но тщетно их из бед стремился
он спасти,
Погибли наконец алчною свято-
татной:
Безумные! они дерзнули пожи-
рать
Телицы, дневному светилу по-
священны;

И бог сей мщением за буйство
воспаленный
Не дал им зреть часа возврата
в дома их.
Позволь, о Муза! нам из уст
узнать твоих
Хоть часть вождя сего чудес-
ных приключений:
Уже все витязи Ахейских
ополчений,
Под Троей спасшихся от лютых
смерти рук,
Покоились в домах, где грозной
брани звук,
Ни бурных шум морей, уж их
не устрашали.
Один Улисс вотще желал,
томясь тоской,
Супругу милу зреть и дом
отеческ свой:
Пещеры темные Калипсины дер-
жали
Его в плену

Как тебе, друг мой! дерзость моя кажется. Не зная и азбуки греческой, переводить Гомера. Но наш друг¹⁾ Николай Алексан-

¹⁾ О дружбе Капниста и Львова свидетельствует один эпизод, сообщенный в статье Н. Дубровина—„Русская жизнь в начале XIX века“ (Русск. Стар. 1899, т. XCVIII, апр., стр. 59): „Тяжесть от взяточничества вызвала появление комедии „Ябеда“. Автор комедии В. В. Капнист читал ее в доме Г. Р. Державина, при многих посетителях, и когда город заговорил „о неслыханной дерзости, с какою выведена в комедии безнравность чиновников и обнаружены их злоупотребления“ [Записки С. П. Жихарева. Русский Архив, 1891, № 1 прилож., стр. 252], то Капнист стал опасаться, чтобы не был очернен в мнении императора. Он обратился тогда за советом к Н. А. Львову и спрашивал, что ему делать. То-же, отвечал он, что сделал Мольер со своим Тартюфом, испросив позволение посвятить свою комедию самому государю.—Капнист последовал совету, и все толки умолакали“.

О своей комедии „Ябеда“ Капнист как-раз упоминает в письме к Бакунину.

дрович переводил же Анакреона.—Я заимствовал мысли подлинника из второго Битобеева перевода. Ежели у тебя есть Цезеротиев, то сравни с ним и скажи твое заключение. Встреча наша с тобой не удивит ли тебя? Ты скажешь: *Les grands esprit se rencontrent*.—Но ты вздумал стихи Тасовы переводить из итальянского языка, который совершенно разумеешь; а я Гомера затеял переводить из греческого языка, на котором ни бельмеса не знаю!—Вот великая разность. Но братец! разве ты позабыл, что во мне греческая кровь течет, и что предки мои из острова Занта были в числе ратников Пенелопы и следовательно очевидцы всему происшествию?—Они может быть невидимо внушают меня.—Прощай, обнимаю тебя в мыслях. Дядюшке и тетушке нижайшее почтение свидетельствую, а у сестры руки целую—прощай—Ябеду уже дни через три напечатаю и тебе на будущей почте пришлю. Прощай! нового ничего нет: по слову Соломона: „ничтоже ново на земли“.

О стихотворении Бакунина „Жатва“, о котором упоминает в начале своего письма Капнист, мы скажем сейчас ниже. Перевод Тассовых стихов, который Капнист исполняет „по приказу“ Бакунина— это перевод начала 1-й песни „Освобожденного Иерусалима“, над переводом которой трудился в то время Бакунин. Бакунин, окончивший курс в Падуанском Университете [по философскому факультету]¹⁾, получивший звание доктора философии, конечно, основательно знал итальянский язык, но это знание не мешало ему обращаться к другу своему Капнисту за помощью при переводе поэмы Тасса,—и вот образец этой помощи Капниста: 6 вариантов одной строфы! „Вот, братец, выбирай что хочешь“, пишет он Бакунину и в свою очередь препровождает на суд друга опыт перевода начала „Одиссеи“. Как он сам указывает, перевод сделан им с помощью второго Битобеева перевода. Второй французский прозаический перевод „Одиссеи“ Битобе [Paul Ierémie Vitaubé, род. в 1732 г.] вместе с его-же переводом „Илиады“ вышел в Париже в 1787—88 гг., в 12 томах.

В бумагах Капниста, хранящихся в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук, сохранилась копия этого перевода с поправками Капниста; в ней мы нашли небольшое продолжение начатого перевода, который в письме Капниста к Бакунину обрывается на полустихе. Вот это продолжение:

Пещеры темные Калипсины держали
Его в плену. Сия бессмертная краса
Союзом брака с ним алкала сочетаться.
Когда ж в кругу веков обыкшие вращаться
Лета приблизили желанный срок часа
Возврату в дом его назначенный богами,
То должен был еще несчастный витязь сей
Под кровом отческим среди семьи своей
Встречать опасности и ратовать с врагами.
Все боги сжалились над горестями его;
Один Нептун не мог от мщенья своего
Престать и к пагубе вождя сего стремился,
Пока в отчизну он свою не возвратился.

В тех же бумагах Капниста нашлись черновики и другого опыта перевода Капниста начала первой песни „Одиссеи“ относящегося, повидимому, к более поздним годам [приблизительно, к 1813 г.], когда он,

¹⁾ См. Корнилов, Указ. сочин., стр. 7.

сблизившись с кружком А. Н. Оленина [с Олениным был в переписке и А. М. Бакунин. См. его архив в Пушкинском Доме], особенно же с Н. И. Гнедичем, заинтересовался теорией гекзаметра: этот опыт и совершен гекзаметрическим стихом, при чем в рукописи, непосредственно за переводом, автором начертана и метрическая схема перевода 9 стихов первой песни „Одиссеи“.

Муза! Воспой нам мудрого мужа, который разруша
Трои священные стены и странствуя в разных пределах,
Многие грады протек; в них нравы заметил различны—
Жизни своей не щадя, чтобы только дружину щастливо
В дома привести, он множество в бурных морях претерпел бед.
Тщетны однакож старания были; избавить не мог их:
Жертвою буйной строптивости пали в погибель безумцы,
Солнцу, владыке небес, посвященных дерзнувши попрасть нрав.
Мщением дышущий бог заградил им день возвращения.

Кроме этого опыта перевода гекзаметром начала „Одиссеи“ в упомянутых бумагах Капниста сохранились и другие варианты гекзаметрического перевода, а также перевод в прозе XI-й песни „Одиссеи“. Упомянутый опыт Капниста интересен в том отношении, что иллюстрирует одно его письмо к С. С. Уварову [напечатано в Смирдинском издании Сочинений Капниста. СПб. 1849, стр. 600—618], в котором он пытался доказать, что гекзаметр в русской словесности не может существовать, оканчиваясь непременно спондеем, и даже сомневался и в существенной приятности гекзаметров Гомеровых и предлагал перевести Гомера размером простонародной песни:

„Как бывало у нас, братцы, через темный лес“. ¹⁾

Гнедич сам пришел к переводу Гомера („Иллиады“) гекзаметром не сразу; сначала он перевел VII-ю и VIII-ю песни „Иллиады“ шестистопным ямбом ²⁾. Жуковский перевел Одиссею в 1842—49 гг. гекзаметрами, не зная греческого языка, с помощью подстрочного буквального перевода профессора Грасгофа [см. письмо Жуковского к С. С. Уварову, 1848 г.]

Незнание греческого языка не смущало Капниста. Ему известно было, как Державин переводил античных поэтов и как Н. А. Львов [на него Капнист ссылается в своем письме] перевел Анакреона [перевод Львова был издан анонимно в 1794 г.] ³⁾.

„Но ты вздумал стихи Тасовы переводить из итальянского языка, который совершенно разумеешь“, пишет Капнист, имея в виду, очевидно, перевод „Освобожденного Иерусалима“. В январе 1804 г. Державин писал Бакунину: „Вы, сказывают, перевели „Освобождение“, то желалось бы мне что нибудь-прочсть из русского Тасса“. ⁴⁾ В другом письме [от февраля 1805 г.] Державин благодарит Бакунина за доставленный перевод „Фемистокла“ Метастазиио. „Перевод ваш, право, таков, хотя бы напечатать“. ⁵⁾ Но ни перевод поэмы Тасса, ни переводы из

¹⁾ П. Тиханов, Николай Иванович Гнедич. Несколько данных для его биографии по неизданным источникам. Сборник ОРЯС, т. XXXIII, № 3, СПб. 1884, стр. 12—13. Об отношении к Капнисту кружка Гнедича, Оленина, Батюшкова см. в письмах Батюшкова к Гнедичу 1809 г.: Русск. Стар. 1871, февр., стр. 216, 218 и др.

²⁾ П. Тиханов. Указан. сочин., стр. 81; Соч. Державина, т. VI. СПб. 1876, стр. 233.

³⁾ Львов воспользовался подстрочным переводом Евгения Булгара, с примечаниями которого и был издан стихотворный перевод Анакреона Львова.

⁴⁾ Соч. Державина т. IX. СПб. 1883, стр. 322—323.

⁵⁾ Ibidem, стр. 323.

Метастазии Бакунина в печати не появились, и судьба их нам неизвестна.¹⁾

В начале письма Капнист укоряет Бакунина, что он не доканчивает „Жатвы“, которую так прекрасно начал. Это стихотворение, как мы выше заметили, сохранилось в архиве Бакуниных. Оно интересно в том отношении, что представляет новый материал для суждений о поэтическом таланте молодого Бакунина, который известен был лишь по более поздним произведениям, также в свое время оставшимся неизданными и напечатанными уже в наше время А. А. Корниловым в книге, посвященной молодым годам Бакунина-сына.²⁾ Приводим текст „Жатвы“ по рукописи Бакунина, с теми примечаниями, которые сделал Капнист на полях справа и слева.

Ж а т в а.

*Очень живо
et pitoresque.*

1. Заплети волнисту косу,
Платье легкое надень,
Серп возьми, а мне дай косу.
И на поле встретим день.

{ надо бы было, кажется, назвать, к кому речь относится.

5. Далеко от нас с весною
Молодость земли ушла.

{ Эта мысль не связана ни с предыдущим, ни с последующим.

Еще спорит свет со мглою,
А заря не так светла.

{ Не приготовлен переход от сумерка к восходу солнца.

10. Все воскресло, оживилось,
Вождь восстал веселых дней
И как море вдруг открылось
Радостно лицо полей.

Сколько взором ни окинем
Мы легко с тобой пожнем;

{ Тут потребно описание жатвы.

15. Мы друг друга не покинем.
Век минет единым днем.

{ Мысль вдруг очень отнесена.

Очень хорошо.

20. Хлеб себе трудом достанем,
А избыток разделим
И чужим довольством станем
Веселиться как своим.

Копит пусть иной доходы,
Пусть в засеке рожь гниет,
Пусть забывши долг природы
Для блаженства лишь живет.

25. Недостаток и забота
С роскошью от нас ушли.

Прекрасно.

Ключ золотой нам даст работа
К общей житнице земли.
Кто в труде покой находит

¹⁾ Из старинных переводов „Освобожденного Иерусалима“ известны: М. Попова [1772 г.], С. Москотильникова [1819], А. С. Шишкова [1819 г.], С. А. Раича [1828 г.] и А. Мерзлякова [1828 г.].

²⁾ В больших выдержках напечатана поэма „Осуга“ и другие стихотворения, относящиеся к концу 20-х и нач. 30-х гг. XIX. в. А. А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина. М. 1915, стр. 8—12, 25—33, 38—41.

30. Просыпаясь с росой,
Того в ужас не приводит
Смерть блестящею косой.
Скука дней не отравляет,
Для него болезней нет;
- Прекрасно.* 35. На стебле он увядает
Как плоды принесший цвет.
Последующая мысль не весьма связана.
- Весьма прекрасно.* Взглянь на стебли возвышенны—
Что в их колосе пустом?
Те, что скромно наклонены,
40. Те обильнее зерном.
Последующая мысль то же не весьма связана.
- Прекрасно.* Наша жизнь доколь продлится?
Скромных мы в пример возьмем,
Как паденья нам страшиться—
Близко мы к земле живем.
45. Тень вокруг нас убывает;
Совершил полвека день,
Нас дубрава призывает
Под свою прохладну сень.
- Весьма хорошо.* 50. Уберем снопы златые,
За кустом нас ждет обед,
Сдобрит яствия простые
Безбоязненность всех бед.
Лель наш друг, и друг сердечной!
Счастьем нас благослови!
55. Чтобы век наш был?—труд вечный,
Без подруги, без любви.
О любовь! останься с нами!
Как минет и юность дней,
Вместо роз ты седидами
- Прекрасно.* 60. Свей венок нам из лилей.
В старости любить утешно;
Естьли смерть придет в те дни,
Прочь от нас уйдет поспешно,
Скажет: молоди они.
65. Всегда счастье в нашей воле,
Даша милая! поверь.
Работали мы день в поле—
Отдыхать пойдем теперь.
- Хорошо.* 70. Подголовок нам душистой
Лель из юных роз совет,
И Лилей вязанкой чистой
Радость к ложу прикует.

Капнист не ограничился отметками на полях рукописи Бакунина; он сам переписал все стихотворение, разбив свои замечания в прозаические вставки, которые могли лучше объяснить Бакунину недостатки его стихотворения.

Приводим текст „Жатвы“ и по рукописи Капниста.

День жатвы.

1. Заплети волнисту косу,
Платье легкое надень,
Серп возьми, а мне дай косу.
Даша! в поле встретим день.	Весь восток она зажгла.
Все воскресло оживилось:
5. Спорит свет еще со мглою;
Но заря уже взошла:
Взглянь, как огненной
струею	10. Вождь восстал веселых
дней,
Море золота открылось:
Радостно лице полей.

Тут извольте описать жатву, о которой главное дело идет, стихах по крайней мере в 20. Чтоб соразмерить картину размышлением.

15. Лель нас милой не покинет;
Не устанем ввек втроем.
Хлеб себе трудом доста-
нем,
А избыток разделим,
И чужим довольством ста-
нем	Пусть в засеке рожь гниет;
Пусть, забывши долг при-
роды,
Лишь для золота живет.
25. Недостаток и забота
С роскошью от нас ушли.
Ключ златый нам даст ра-
бота
К общей житнице земли.
Так на что нам плавить
слитки,
20. Веселиться как своим.
Копит пусть иной доходы	

Прошу принять сие за затычку и сказать мысль по своему.

30. Злато в сундуке душить?
Жизни не прибавить нитки,
Как ее ни золотить.
Кто в труде покой находит,
Просыпаясь с росой,	Острой, блещущей косой.
Скука дней не отравляет,
Для него болезней нет:
На стебле он увядает
35. Смерть того в страх не
приводит	40. Как плоды принесший
цвет.

Не живет в высоких чертогах—знаками почести не отличен; но какая нужда в них?

Взглянь на стебли возвы-
шенны,
Что в их колосе пустом? | Те, что скромно наклонен-
ны,
Те обильнее зерном. |
|---|---|

Чем кто выше стоит, тем падение опаснее ему.—

45. Наша жизнь доколь прод-
лится?
Скромных мы в пример
возьмем, | Как паденья нам страшить-
ся—
Близко мы к земле живем. |
|---|--|

Но, Даша! заговорясь мы и не видим, что уже совершил полбега день;

50. Нас дубрава призывает
Под свою прохладну тень.
Уберем снопы златые;
За кустом нас ждет обед,
Сдобрит яствия простые
Труд и безбоязность бед. | [Лель наш бог и друг сер-
дечный!]
[Счастьем нас благослови,]
[Чтобы наш век был?—
труд лишь вечный]
[Без подруги без любви] |
|---|---|

Тут благоволите описать жатву вечером и возвращение на снопах в дом.

55. День мы в поле работали,
Отдыхать теперь пойдем.
Подголовок нам душистой
Лель из свежих роз со-
ввет;
Маковой вязанкой чистой
60. Сон к постели прикует.
Лель наш друг и друг сер-
дечный!
Щастьем нас благослови!
Чтобы наш век был—
труд вечный,

- Без подруги без любви.
65. О любовь! останься с нами!
Как минет и юность дней,
Розы скрась ты сединами
Как вязанкой из лилей.
В старости любить утешно;
70. ЕСТЬЛИ СМЕРТЬ ПРИЙДЕТ В
те дни,
Прочь от нас уйдет по-
спешно;
Скажет: молоди они.

Мы видим теперь, какую строгую логику стиха, если можно так выразиться, требует Капнист.

В начале стихотворения, имеющего форму обращения, „надобно бы было кажется назвать к кому речь относится“, замечает Капнист и в своей копии вставляет имя Даши, которое у Бакунина имеется лишь в последней строфе. Свое замечание на то, что „не приготовлен переход от сумерка к восходу солнца“, Капнист объясняет своей переделкой 2-й строфы. Неправильность ударений в словах 2-й и 3-й строф также исправлена Капнистом. Стихи 4-й строфы изменены на основании замечания: „мысль вдруг очень отнесена“. Между 7-й и 8-й строфами Капнист вставил новую строфу, приписав: „прошу принять сие за затычку, и сказать мысль по своему“. Неправильность ударения в 3-м стихе 8-й строфы опять им исправлена. Свои замечания на то, что „последующая мысль не весьма связана“, Капнист объясняет вставками в прозе между стихами [см. в рукописи Капниста между строфами 10-й и 11-й, 11-й и 12-й, 14-й и 15-й]. Начало 12-й строфы он предлагает несколько изменить, высказав следующую мысль: „но, Даша, заговорясь мы и не видим, что уже совершил полбега день“ [см. 13-ю строфу Капнистовской редакции]. Тяжелый [из-за слова „безбоязненность“] последний стих 13-й строфы Капнист заменяет более легким: „труд и безбоязненность бед“, 14-ю строфу Капнист относит в своей редакции на конец стихотворения, переместив 17-ю строфу, как бы прибавленную Бакуниным после стихотворения, при чем начало строфы Бакунина Капнист предлагает развить: „Тут благоволите описать жатву вечером и возвращение на снопах в дом“. [См. рукопись Капниста, между стихами 54—55]. В 18-ой, последней строфе, также сделаны замены, в которых должно отметить точность и ясность поэтического выражения [см. 16-ю строфу Капнистовской редакции].

В переработке „Жатвы“ Бакунина ¹⁾, сделанной Капнистом, сквозит важный принцип поэтического творчества XVIII века,—строгая логика мысли, переданной стихами, и „размышление“, обязательное

¹⁾ Капнист изменяет и заглавие: „День жатвы“. Кстати будет здесь заметить, что Капнист переделывал и басни Хемницера. См. сочин. и письма Хемницера. СПб. 1873, приложение: снимок с почерка Капниста. Я. К. Грот нашел между списками стихотворения Державина „Ласточка“ (нач.: „О домовитая ласточка“.....) 1794 г. один, писанный весь рукою Капниста и отличающийся от подлинного текста. „Очевидно, делает такое замечание Грот, „что Капнист, дорожа классической правильностью формы, не совсем был доволен в этом отношении песней Державина и, сделав опыт переделки ее на ямбический лад, сохранил по возможности все выражения нашего поэта без изменения“. См. Сочин. Державина т. I. СПб. 1868, стр. 400.

Капнист вместе со Львовым и Дмитриевым не раз участвовали в исправлении и критике стихов Державина, который часто принимал их поправки, их варианты.

для связи отдельных описаний природы между собой. И нельзя сказать, что вдохновение поэта из-за этого сковывалось, охлаждалось, — нет, оно лишь руководилось ясностью, прозрачностью мысли, обязательно для любой формы поэтического творчества эпохи русского классицизма.

16 октября 1798 г. Капнист укорял Бакунина за то, что он не доканчивает „Жатвы“, которую так прекрасно начал. К началу 1799 г. относится новая и, можно думать, законченная редакция этого стихотворения, найденная нами в подлинной рукописи Бакунина ¹⁾, подаренной им Н. А. Львову, в которой заключается, кроме „Жатвы“, еще пять других стихотворений Бакунина ²⁾, и на обложке которой рукою Н. А. Львова [пером] набросан рисунок двух друг на друге лежащих камней и поставлена [на верхнем камне] дата: 1799 январь: 24-е Черенчицы“.

Новая редакция „Жатвы“ пространнее первоначальной ровно вдвое. При новой переработке стихотворения Бакунин принял во внимание те основные замечания Капниста, которые были сделаны им на полях первоначальной редакции „Жатвы“ и в его списке [вернее * сказать, Капнистовской редакции] этого стихотворения.

Ж а т в а.

1. Заплети волнисту косу,
Платье легкое надень,
Серп возми, а мне дай косу,
И на поле встретим день.	25. Все воскресло, оживилось,
Вождь восстал веселых дней
И как море вдруг открылось
Радостно лицо полей.
5. Еще спорит свет со мглою
И заря не так светла,
Далеко от нас с весною
Молодость земли ушла.
Далеко—но непременно	Посмотри—как золотистый
30. Движет волны ветерок,
Как вершины колосисты
Каждый клонит стебелек—
Как испив росы прохладу
Стебли все огнем горят,
10. Мы останемся с тобой,
И любовью оживленны
Наши чувства нам весной.
Радость утра не встречает,
Все покрыл туман густой,	35. Как подпору и ограду
Друг для друга все творят;
Стройно как стоят стеною,
Как, взаимно все любя,
Волей подвижны одною
15. Птичек хор не величает
Солнца первый луч златой.
Но в душе у нас гнездятся
Щастье, радость и любовь.
Пусть стихии пременятся—	40. Шепчут все промеж себя.
Как здесь долу извивалось
Поле в мягкой мураве,
Одаль золото слиялось
Там в небесной синеве.
20. Лель для нас родит их вновь.
Лель для нас сквозь тму глу-
боку
Солнце ново воззовет—
Посмотри уже с востоку
Нас оно встречать идет.—	45. Все что взором ни окинем,
Мы легко с тобой пожнем.
Как друг друга не покинем,
Век минет единым днем.
Хлеб себе трудом достанем,

¹⁾ Рукопись (тетрадоchка) со стихами Бакунина была получена в Москве А. Н. Гречем во временное пользование от правнучки Н. А. Львова—М. А. Львовой и любезно предоставлена нам на просмотр, за что мы приносим А. Н. Гречу глубокую благодарность. Б. К.

²⁾ 1. Другу моему Николаю Александровичу. 2. На свадьбу Федора и Надежды (Ф. П. Львова и Н. И. Березиной), 3. Ручей, 4. Жатва, 5. На продающийся секрет чтобы (хлеб без удобрения земли родился и 6. На влюбленную стыдливую девушку.

50. А избыток разделим
И чужим довольством станем
Веселиться как своим.
Копит пусть [кашей] иной до-
ходы,
Пусть в засеках рожь гниет.
55. Кто забыть мог дань природы
Дни блаженства не живет.
Недостаток и забота
С роскошью от нас ушли.
Ключ златой нам даст работа
60. К общей житнице земли.
Кто в трудах покой находит,
Просыпается с росой,
Того в ужас не приводит
Смерть блестящею косой.
65. Скука жизнь не отравляет,
Для него болезней нет,
На стебле он увядает
Как плоды принесший цвет.
Тот в трудах лишь изнеможет,
70. Кто не любит никого,
Щастье кто вкусить не может
Вне себя лишь одного.
Кому все на свете чужды,
Кто себя всех лутче чтит,
75. Кто других напасти нужды
Слышит, видит и молчит.
Но мы, милый друг, с тобою
Сколь от них мы далеки.
Пусть они своей судьбою
80. Наполняют сундуки.
Пусть их знатностью сияют,
Жизнь болезненну влекут
И по скуке только знают,
Что они еще живут.—
85. Взглянь на стебли возвы-
шенны—
Что в их колосе пустом?
Те, что скромно наклоненны,
Те обильнее зерном.
Наша жизнь доколь прод-
лится?
90. Скромных мы в пример
возьмем,
Как паденья нам страшиться—
Близко мы к земле живем.—
Даша, вместе с васильками
Класу спелого нажни.
95. Расцветим чело венками
А утехой наши дни.—
Нету нам грустить досуга.
- Лель помощник нам в трудах
И воздержность нам подруга
100. В наших радостных пирах.—
Мы злодеев не имеем,
Другу можем пособить,
Работать, любить умеем.
Как же щастливым не быть.
105. Слышишь, Даша, в песни
звучны
Поселяне душу льют.
Посмотри—благополучны
Жнут и пляшут и поют.
Знал ли радость тот сердечну
110. Как оне, кто в неге жил
И в заботах скоротечну
Жизнь как можно сократил?
Посмотри, как работают
Посреди семьи своей
115. И как усталъ забывають,
Естьли взглянут на детей—
Видят в них себе подпору
И утеху поздних лет
И чтят жизнь свою нескору,
120. Чтоб приспел тем жизни
цвет.—
Хор пресекался голосистый,
На земле серпы блестят,
И разбросаны зернисты
Окrest их снопы лежат.—
125. Тень вокруг нас убывает.
Совершил полвека день.
Нас дубрава призывает
Под свою прохладну сень.—
Уберем снопы златые,
130. За кустом нас ждет обед,
Сдобрит яствы нам простые
Безбоязненность всех бед.
Лель наш бог и друг сердеч-
ный,
Щастьем нас благослови!
135. Чтобы век наш был? труд
вечный,
Без подруги без любви.
О любовь, останься с нами!
Как минет и юность дней,
Вместо роз ты сединами
140. Свей венки нам из лилей.—
В старости любить утешно.
Естьли смерть придет в те дни,
Прочь от нас уйдет поспешно,
Скажет: молоды они.

Стихи 9—24 отвечают на замечание Капниста: „не приготовлен переход от сумерка к восходу солнца“; стихами 29—44 Бакунин исполняет требование Капниста: „тут потребно описание жатвы“, „тут извольте описать жатву, о которой главное дело идет—стихах по крайней мере в 20, чтоб соразмерить картину размышлением“ [см. список Капниста]; стихами 69—84 поэт „связывает“ строфы о трудолюбце с тою „мыслью“ о пустом и обильном зерном колосьях, с которою в первоначальной редакции эти строфы не были связаны, по замечанию Капниста; стихи 93—124 выражают распространенно мысль Капниста: „Но, Даша! загораюсь мы и не видим, что уже совершил полбега день...“ (см. список Капниста).

В 1814 г. стихотворение Бакунина „Жатва“ удостоилось большого одобрения со стороны Державина. В статье „Из моих воспоминаний о Державине“¹⁾ В. И. Панаев рассказывает, как он, сочинив пять идиллий, отправил их при почтительном письме Гавриилу Романовичу и получил благосклонный его ответ: „Письмо ваше от 26 октября и при нем сочинения вашего идиллии с удовольствием получил и прочел. Мне не остается ничего другого, как одобрить прекрасный талант ваш, но советую дружески не торопиться, вычищать хорошенько слог, тем паче, когда он в свободных стихах заключается. В сем роде у нас мало писано. Возьмите образцы с древних, ежели вы знаете греческий и латинский языки, а ежели в них не искусны, то немецкие Геснера могут вам послужить достаточным примером в описании природы и невинности нравов. Хотя климат наш суров, но и в нем можно найти красоты и в физике, и в морали, которые могут тронуть сердце; без них же все будет сухо и пусторечие. Прилагаю при сем и русский образчик, который заслуживает внимание наилучших знатоков“. После этого письма Державина В. И. Панаев приводит присланное к нему стихотворение, именно „Жатву“ Бакунина, и предваряет его примечанием: „Они действительно очень хороши, но не идиллия“.

После стихотворения Панаев сообщает, что в благодарственном ответном письме он „никак не мог воздержаться, чтобы не сказать откровенно своего мнения о стихах Бакунина“. „Если [писал он] литература есть своего рода республика, где и последний из граждан имеет свой голос, то позвольте сказать, что прекрасное стихотворение г. Бакунина едва ли может назваться идиллией, оно, напротив, отзывается и увлекает любезною философиею ваших горацянских од“.

Нельзя не признать, что суждение Панаева о стихотворении Бакунина верно, если идиллию понимать так, как предписывалось в классических пиитиках: „Идиллия есть поэма, в которой представляются пастухи между собою разговаривающими просто и естественно о своих делах“ [см. примечание гр. Д. И. Хвостова на вторую песнь „Науки о стихотворстве“ Буало, в издании его перевода, СПб. 1808, стр. 76].

Державин, видимо, расширял понятие идиллии. „Любезную же философию горацянских од“ Бакунин заимствовал не столько от Державина, сколько от Капниста, который, можно сказать, был прямо русским Горацием в эпоху Державина и своим горацянским направлением увлекал и самого Державина.

В Державинском списке „Жатва“ Бакунина является новой редакцией этого стихотворения, отличной от первоначальной собственно Бакунинской и от второй—Капнистовской. Можно заметить про новую редакцию, что в ней, хотя и приняты автором во внимание некоторые

¹⁾ В сборнике „Братчина“, ч. I, СПб. 1869, стр. 111—114.

поправки и замечания Капниста, все же дана полная переработка стихотворения с прибавлением двух строф [11-й и 13-й]¹⁾.

Мы склонны считать эту редакцию промежуточной между первоначальной и той завершенной [см. выше], в которой автор выполнил почти все пожелания своего дружественного критика и которая, по сравнению с редакцией в списке Державина, увеличена на 60 стихов.

В архиве Бакуниных, среди бумаг А. М. Бакунина, хранится не большое собрание его стихотворений, относящихся к 10—20-м годам XIX в., судя по которым, можно сказать, что поэт в эту пору писал под значительным влиянием Карамзина. Впрочем, должно заметить, что уже в конце XVIII в. нарождалось и выявлялось в кружке молодых поэтов, группировавшихся вокруг старика Державина, то направление, которое с мощной силой подхватил Карамзин, придавший этому направлению закономерное развитие, приведшее к новой поэтической школе.

Прежде, чем перейти к стихам Бакунина вышеозначенного периода, напомним некоторые черты из его биографии.

Женившись в 1810 г., Александр Михайлович возобновил, ради молодой жены, светские связи и на зиму стал ездить с женой в Тверь, где в это время был двор вел. кн. Екатерины Павловны. При Тверском дворе часто гостил Н. М. Карамзин. Бакунину посчастливилось в это время близко познакомиться с знаменитым поэтом и историком. Как видно из уцелевших отрывков дневника, который Бакунин вел в 1810—1811 г.г., он „не без успеха состязался с Карамзиным в спорах на литературные и исторические темы, когда дело касалось европейской истории и литературы“. Впоследствии Бакунин и сам не мало занимался русской историей. В его архиве сохранилось довольно много тетрадей с изложением Несторовой летописи и событий древне-русской истории, частью на русском, частью на французском языке (см. А. А. Корнилов. Молодые годы Бакунина, стр. 15—17).

„Ум и европейская образованность“ Бакунина были оценены по достоинству, и ему предложено было через вел. кн. место попечителя Казанского Университета, от которого он отказался, как отказался и от должности гофмейстера велико-княжеского двора, в то же время ему предложенной.

Среди вышеупомянутого собрания стихотворений Бакунина, мы нашли его стихотворение „Жатва“ в новой редакции позднейшей и сокращенной [48 стихов]. В этой редакции (ее следует считать 5-й) стихотворение переписано поэтом в небольшой тетради [несшитой и не переплетенной, в лист писчей бумаги с водяным знаком 1818 г.] наряду с другими стихотворениями, о которых мы скажем ниже.

В начале главы мы упоминали об общей дружбе Бакунина, Капниста, Львова и Державина. Все они были в родстве друг с другом и, конечно, дружба их может быть объясняема и этим обстоятельством. Но, главное, все они были поэтами, причем Державин был учителем, Капнист даровитейшим учеником; Львов, не считавший сам себя, из скромности, поэтом, мало печатавшийся, был общим вдохновителем, руководителем всех возникавших в Державинском кружке новых поэти-

¹⁾ Можно заметить, что они добавлены вследствие двух одинаковых замечаний Капниста: „последующая мысль не весьма связана“.

Вот текст новых строф:

11-я. Пусть богач одет парчами,
Пьет вино из чаш златых,
Пусть гордится теремами—
Не найдет покоя в них.

13-я. Будем же судьбе покорны.
Низость нам от бурей щит.
Ветр ломает сруб нагорный,
По лозам он лишь скользит.

ческих устремлений и тонким их критиком, а Бакунин, как и М. Н. Муравьев, о котором мы в настоящей статье не говорим, был младшим учеником и робким последователем, только к 20-м годам нового века определившись, как поэт-карамзинист, — впрочем, зарывшим свой талант в Прямухинской земле и не обнаружившим свои силы в печати.

Только через 61 год, после смерти А. М. Бакунина, была напечатана в больших отрывках его поэма „Осуга“ [конца 20-х г.г.], песня „Настал уж час, готовы кони“. „Сантиментальная элегия“ (Нач.: Приди, хандра, мой гений мощный...“¹⁾ Чтобы дать читателю возможность ближе познакомиться с творчеством Бакунина, печатаем впервые его стихотворения из вышеупомянутой тетради; из них три представляют особенный интерес, так как к ним сделаны автором примечания, что они суть подражания стихам и мыслям Н. А. Львова.

С о н.

подраж[ание] Ник. Алек. Львову.

Чуть заря еще мерцалась,
Сладкий сон клонил меня,
И не видел, как подкралась
Ко мне милая моя.—
Полно, полно сокрушаться,
Говорила мне она,
Лучше станем наслаждаться,—
Радость жизни коротка.
Одиночества дни скушны.
Мы в одну свивая нить,

Лелю разуму послушны
В двое будем оба жить.—
Сердце в сладости тонуло,
Млела в радости душа,
Но вдруг солнышко блеснуло
Мне досадное в глаза.
И прелестной образ скрылся.
Ах, скажи мне, для чего
Ты не вечно продолжился,
Сон блаженства моего?

Р а з л у к а.

подражание мыслям стихов Ник. Алек. Львова.

„Снега растаяли среди полей,
„Водой прозрачной полон ручей,
Быстр извивается между цветов,
Манит журчаньем песнь соловьев.—
Луг одевается мягкой травой,
Лес наряжается в лист молодой.
Из зимних вырвавшись Фавны темниц
В рощицах прячутся, ловят девиц.

Пастушки резвятся для пастухов,
Души исполнился воздух цветов.
Плененной Флорою дышет Зефир,
Гласы сливаются с звуками лир.
Все сочетается, все влюблено,
Мне лишь разлучному горе одно.
Радость не радостна, жизнь тяготит,
Где сердцу милая их не делит.

¹⁾ А. А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. М. 1915, стр. 4—41.

Н о ч ь.

подраж. Ник. Алекс. Львову.

Вечерней теплою росой
Свежились жаждущи цветы,
И ночь прозрачной темнотою
Одела сельски красоты.
В таинственном ее молчаньи
Лишь томны слышались взды-

ханьи
В любви счастливых пастухов.
Дияна взор свой отвратила
(Увидя что-то меж кустов) —

И тонким облаком покрыва
Серебряны свои рога—
Но как богиня ни строга
Украдкою стыдась блистала,
В струях лучами трепетала,
Опять скрывалась скушина—
Ужель и на небе скучают?
Ах бедная, она одна,
А счастливы вдвоем бывают.

Трудно определить, каким стихам Львова подражал Бакунин. Среди немногих лирических пьес Львова, напечатанных в „Московском Журнале“¹⁾ и „Аонидах“²⁾ Карамзина, мы не могли найти подходящих для сравнения со стихами Бакунина. Но известно, что большинство стихотворений Львова остались не напечатанными в его тетрадах, да и из тетрадей этих сохранились до настоящего времени только четыре; друзьям же Львова они были, конечно, известны.

Первые два стиха в стихотворении Бакунина „Разлука“, поставленные в кавычки, повидимому, взяты автором из сочинения Львова.

П р и г л а ш е н и е.

Подголовок нам душистой
Лель из юных роз совет
И Лилей вязанкой чистой
Радость к ложу прикует.

Огнь небесной возгорится,
Божеством исполнит грудь,
И невинность согласится
В недрах нежности заснуть.

В этом стихотворении, датированном 16 октября 1811 г., первая строфа—дословное повторение последней (18-й) строфы первой редакции стихотворения „Жатва“ (см. выше).

О с е н ь.

Г. Р. Державину.—На отставку его.³⁾

Уронив завесы брачны,
Лес печален стал и дик,
Лишь чернеют сосны мрачны,

Слышен птиц зловещих клик.
В зеркалах живых природы
Взор стесняется тоской,

¹⁾ 1792 г., ч. VI, кн. 3, стр. 227—234: „К Лире“; lb., стр. 237—238: „Надгробная“; ч. VIII, декабрь, стр. 193—195: „Доброму человеку“.

²⁾ Кн. I, 1796 г., стр. 32—35: „Ода музыка или Семитония“; lb., стр. 183—184: „К Дорализе“; lb., стр. 260—261: „Прибавление к последней строфе“; lb., стр. 262—263: „Отпускная двум чижикам“; кн. II, 1797 г., стр. 232—233: „Облачок“. О неизданных сочинениях Н. А. Львова (р. 1751, ум. 1803) см. в нашей статье „К истории жизни и творчества Н. А. Львова“. Известия Академии Наук СССР, 1927, № 7—8, стр. 699—726, а также в „Отчете Публичной Библиотеки“ за 1892 г. СПб. 1885, стр. 36—111.

³⁾ Об отставке Державина Я. К. Грот в своей книге „Жизнь Державина“ рассказывает, что Александр I предлагал Державину остаться в совете и в сенате, подав просьбу только об увольнении от должности министра юстиции... „но Державин, чувствуя себя оскорбленным, отказался от этих милостей и написал по форме краткую просьбу об увольнении его вовсе от службы.. 7 Октября 1803 года дан был сенату следующий именной указ: „Снисходя на прошение д. т. с. Державина всемилостивейше увольняем его от всех дел с оставлением ему полного жалованья и 6000 рублей столовых денег ежегодно“. Соч. Державина, т. VIII, стр. 832.

Смертной хлад на быстры воды
Гробовою лег доской.
Грудь земли оледенелу
Снег студеной схоронил—
Ночь приемлет область целу,
День светильник уронил.—
Призрак вся мирская слава,
Все повапленной здесь тлен.
Только сердце мужа права
[1803 г. после октября месяца].

Неизменно средь премен.
Ты, младу весну встречая,
Не щадил своих трудов
И, плодов осенних чая,
Зиму встретить был готов.
Свист змеиный презираешь,
Злоязычьем не вредим
И бессмертье предвкушаешь,
Силой Вышнего держим.

Заклучим обозрение поэтического неопубликованного наследия Бакунина его стихотворением „Детям“, 1820 г. Не будет ошибкой предположить, что это стихотворение поэт посвятил своим детям, которых у него к 1820 г. было 8 человек.

Д е т я м .

Пойте, милые, пляшите,
Время радостей одно,
Каждой миг его ловите,
Невозвратное оно!
За цветущею весною,
Лето знойное спешит,
Осень щедрою рукою
Вешних дней не возвратит.

Тут зима—и без печали
Сходит с дерева плод зрел,
Листья старые завяли,
Молодой зазеленел.
Пойте, милые, пляшите,
Время радостей одно,
Каждой миг его ловите,
Невозвратное оно.

Кроме этих стихотворений, в разные годы [1803—1820] сочиненных и переписанных в одну тетрадь, в той же тетради переписаны стихотворение Бакунина—„Ручей—подражание Метастазию“ и „Утро“ малоудачные, с ошибками против метрики, которые мы опускаем. О трех стихотворениях (из этой же тетради), связанных с эпохой женитьбы Бакунина, сообщено выше. Помимо тетради, отдельно, в архиве Бакунина сохранились большое стихотворение „Сосновый лес“ [1834 г.], две песни—„Не кручинься доброй молодец“... и „Все покоится в природе“, и—„Сентиментальная Елегия“... напечатанная А. А. Корниловым в его книге „Молодые годы Бакунина“.

Вернувшись в конце 1780-х годов из Италии европейски образованным человеком, А. М. Бакунин явился желанным гостем и другом в небольшом кружке Державина 90-х г.г. XVIII века. Его знанием итальянского языка и литературы, близким знакомством с античным миром рады были воспользоваться и сам Державин, и Капнист, и Львов, также, впрочем, знавшие итальянский язык. Друзья-поэты—с неустанным рвением стремились пополнить пробелы своего образования самообразованием и искали помощи у младшего своего собеседника, на долю которого выпало счастье завершить образование в заграничном университете.

В начале XIX в. Бакунин постепенно стал отходить от Державинского кружка, впрочем, уже распадавшегося после смерти Львова (в конце 1803 г.). В это время Бакунин явился другом и наставником родственников жены своей—молодых Муравьевых, основателей „Союза Благоденствия“, а затем, по выражению А. А. Корнилова, „погрузился всецело в свою семейную жизнь, стремясь создать в недрах ее особый, совершенно оригинальный культурный очаг“. И, действительно, он создал такой очаг, вокруг которого сплотились впоследствии идейные представители молодого поколения тридцатых—сороковых годов, оставившие яркий след в истории русской литературы и культуры.